

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-120-138>

<https://elibrary.ru/KHPQOL>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0

(CC BY-ND)

© 2024 г. А.Г. Каяниди

«СИЛОАМ СЛЕПОТ»: ЗАБЛУЖДЕНИЯ И ПРОЗРЕНИЯ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА ОТНОСИТЕЛЬНО ТРАГЕДИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА «ПРОМЕТЕЙ»

Аннотация: В.Я. Брюсов стал автором первого печатного отклика на трагедию Вяч. Иванова «Прометей» (1919). Исследователи диаметрально противоположно трактуют пафос брюсовского отклика, называя его либо суровым и отрицательным, либо сдержанно-осторожным. Брюсов критикует Иванова за несоответствие античной культуре и произвольность интерпретации прометеевского мифа. Конкретно говоря, Брюсов считает, что Иванов выдумывает новое значение для Пандоры, а Прометея модернизирует, вкладывая в него ницшеанские и свои собственные идеи. Опираясь на труды немецких классических филологов XIX–XX вв., мы показываем, что при разработке прометеевской темы Иванов ориентируется на современное ему научное представление о прометеевском мифе, ничего не искажая и достигая эффекта новизны по-александрийски утонченным отбором мифологического материала и смелой компиляцией освещенных традицией мотивов и черт. Так, античный генезис имеют такие черты Пандоры, как ее создание Прометеем, увязанное с кражей огня и завершением творения человека, дионисийский и титанический характер Пандоры, ее брачная связь с Прометеем и взаимосвязь с земледелием. Чуждым античности могли показаться Брюсову такие черты Прометея, как демиургия и взаимосвязь с Дионисом. Они отсутствуют у Эсхила и Гесиода, но тоже фундированы в античности. Брюсов первым отмечает ницшеанский характер ивановского Прометея. Иванов сохраняет основные черты ницшеанской концепции Прометея: богоборчество, идею активности греха, прометеизм и люциферизм культуры. С «Рождением трагедии» связана также схема трагедии, которую Иванов предлагает в конце своего предисловия к произведению. Тонко улавливает Брюсов также и собственно ивановский слой в «Прометее». Он заключается прежде всего во включенности в прометеевский миф концепции «Ты еси»: Прометей предстает как мужское, личное я, богоборчески противостоящее божественной самости (Анимус), а Пандора — сначала как Психея-скиталица, а затем как Психея-мстительница (Анима). Отклик Брюсова на ива-

«Силоам слепот»: заблуждения и прозрения Валерия Брюсова...

новскую трагедию мог быть обусловлен его близким знакомством с процессом создания произведения. Брюсов становится одним из конфиденентов Иванова, которому сообщается о стадиях работы над «Прометеем», замысел которого оформляется в период взаимного интереса к Ницше со стороны обоих поэтов.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Прометей, Пандора, Ницше, «Ты еси», трагедия, символизм.

Информация об авторе: Леонид Геннадьевич Каяниди — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, 214000 г. Смоленск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4937-1908>

E-mail: leonideas@bk.ru

Для цитирования: Каяниди Л.Г. «Силоам слепот»: заблуждения и прозрения Валерия Брюсова относительно трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 120–138.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-120-138>

© 2024. Leonid G. Kaianidi

“SILOAM OF BLINDNESS”: BRYUSOV’S INSIGHTS AND DELUSIONS REGARDING THE TRAGEDY BY V. IVANOV “PROMETHEUS”

Abstract: Valery Bryusov became the author of the first printed response to the tragedy by V. Ivanov “Prometheus” (1919). Researchers interpret the pathos of Bryusov’s response diametrically opposite, calling it either harsh and negative, or restrained and cautious. Bryusov, indeed, criticizes Ivanov for the inconsistency of ancient culture and the arbitrariness of the interpretation of the Prometheus myth. Specifically, Bryusov believes that Ivanov invents a new meaning for Pandora, and modernizes Prometheus, putting Nietzschean and his own ideas into it. Relying on the works of German classical philologists of the 19–20th centuries, we show that, when developing the Prometheus theme, Ivanov focuses on the modern scientific idea of the Prometheus myth, without distorting anything and achieving the effect of novelty in an Alexandrian refined selection of mythological material and a bold compilation of motifs and features illuminated by tradition. Thus, the ancient genesis has such features of Pandora as her creation by Prometheus, linked with the theft of fire and the completion of human creation, the Dionysian and titanic character of Pandora, her marital relationship with Prometheus and the relationship with agriculture. To Bryusov, such features of Prometheus as demiurgy and the relationship with Dionysus

might seem alien to antiquity. They are absent from Aeschylus and Hesiod, but they were also founded in antiquity. Bryusov is the first to note the Nietzschean character of Ivanov's "Prometheus". Ivanov retains the main features of the Nietzschean concept of Prometheus: God-fighting, the idea of the activity of sin, Prometheism and Luciferism of culture. The scheme of tragedy, which Ivanov offers at the end of his preface to the work, is also connected with the "Birth of Tragedy". Bryusov also subtly captures the Ivanov's layer in Prometheus. It consists primarily in the inclusion in the Promethean myth of the concept of "You are": Prometheus appears as a male, personal self, God-defying opposing the divine self (Animus), and Pandora — first as a wandering Psyche, and then as a Psyche-avenger (Anima). Bryusov's response to the Ivanov's tragedy could have been due to his close acquaintance with the process of creating the work. Bryusov becomes one of Ivanov's confidants, who is informed about the stages of work on "Prometheus", the idea of which is formed during the period of mutual interest in Nietzsche on the part of both poets.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Valery Bryusov, Prometheus, Pandora, Nietzsche, "You are", tragedy, symbolism.

Information about the author: Leonid G. Kaianidi, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University, Prgevalsky St., 4, 214000 Smolensk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4937-1908>

E-mail: leonideas@bk.ru

For citation: Kaianidi, L.G. "Siloam of Blindness': Valery Bryusov's Insights and Delusions Regarding the Tragedy by Vyacheslav Ivanov 'Prometheus.'" *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 120–138. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-120-138>

И мы придвинулись на край конечных срывов...
Над бездной мрачною пылает лютый бор...
Прими нас, жертвенный костер,
Мзда и чистилище заблудшихся порывов. —
О Силоам слепот, отмстительный костер!...
Вяч. Иванов «Цусима»

Брюсов стал автором первого критического отклика на трагедию Вяч. Иванова «Прометей». Он был опубликован в 1920 г. во втором номере «Художественного слова», журнала Наркомпроса, редактором которого состоял Брюсов.

В исследовательской литературе сложилось два полярных мнения относительно основной интенции рецензии Брюсова.

Публикаторы и комментаторы переписки Брюсова с Ивановым, А.В. Лавров, Н.В. Котрелев и С.С. Гречишкин, называют отзыв Брюсова «суровым» и обращают внимание на изменение отношения Брюсова к драматургии Иванова: трагедию «Тантал», «написанную в том же поэтическом ключе», что «Прометей», Брюсов в свое время хвалил, а «Прометей» хулит. Исследователи отмечают, что «Брюсов упрекает Иванова в произвольности интерпретации мифа, в чрезмерной условности, безжизненности трагедии», которая «оказывается любопытным образцом “творчества в пустоте”» [5, с. 432]. Н.А. Богомолов солидаризуется с публикаторами переписки Брюсова и Иванова и называет рецензию на «Прометей» «вполне отрицательной» [4, с. 702].

Иной точки зрения придерживается В.Э. Молодяков. Признавая, что послереволюционные годы в целом стали «временем решительной переоценки Брюсовым значения символизма и творчества своих бывших соратников», Молодяков считает, что рецензии Брюсова на поэму Иванова «Младенчество» и на трагедию «Прометей» были «сдержанно-осторожными и в целом достаточно благожелательными». «Рецензия Брюсова содержит много глубоких и верных замечаний об античной и современной трагедии, а главный его упрек, адресованный автору, — несоответствие его построений подлинной античной культуре» [14, с. 95–96].

Итак, различаясь в оценке общей интенции брюсовской рецензии, исследователи сходятся в определении основного упрека, адресованного Брюсовым Иванову, — произвольность интерпретации мифа, несоответствие античной культуре. Переходя от оценок рецензии Брюсова к ее содержанию, необходимо признать, что этот упрек, действительно, был главным и самым принципиальным. По мнению Брюсова, трагедия «Прометей» основана «не на воззрениях античного мира»; Иванов «придает образу Прометей черты, которые не только “чужды” эллинским воззрениям, но и прямо враждебны им, выдумывает совершенно новое значение для Пандоры и т. д.» [3, с. 397]. Эта, если так можно выразиться, «анти-античность» ивановской трагедии характеризуется рецензентом демонстративно иронически, путем

доведения до абсурда: «Будь трагедия русского поэта поставлена в Афинском театре IV в. перед современниками Эсхила, они, вероятно, мало что поняли бы в ней, сочли бы ее кощунственной и автора освистали бы» [3, с. 397]. Вместе с тем в финале рецензии Брюсов высказывает мысль, почти прямо противоречащую своему основному тезису. Он говорит, что для понимания трагедии ивановский читатель должен быть «посвящен в недра классической мифологии и мифографии» [3, с. 398], т. е. все-таки признает фундированность ивановского произведения в античности.

Брюсов конкретизирует свой тезис о чужеродности ивановского Прометея античности. По мнению рецензента, это связано с тем, что «сам Прометей — философ в высокой степени — рассуждает так, словно читал Ницше и самого Вяч. Иванова» [3, с. 397]. Стало быть, по Брюсову, Иванов искажает античный образ Прометея под влиянием идей Ницше и своих собственных.

Разберем брюсовские суждения по порядку.

Пандора

Брюсов упрекает Иванова, что тот «выдумывает совершенно новое значение для Пандоры». Этот упрек словно провоцируется самим Ивановым, который в предисловии к трагедии указывает на свою эмансипацию от античного мифологического предания: оно, как пишет Иванов, не знало о Пандоре ничего, «кроме ее качества раздавательницы соблазнительных даров и кроме рассказа об участии многих божеств в ее сотворении» [7, с. XIII].

Это несколько лукавое высказывание для классического филолога и поэта, который, как мы знаем из его эпистолярия, при работе над трагедиями просил своих знакомых делать выписки из Лексикона Рошера (*Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*) и Энциклопедии Паули (*Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*)¹. На самом

¹ 15 марта 1900 г. Иванов обращается к М.М. Замятниной: «Дорогой друг Маруся! Позвольте беспокоить Вас одним книжным порученьцем. § 1. Если

деле Иванов не выдумывает ни одного мотива, связанного с Пандорой, кроме разве мотива жертвоприношения Пандоры Прометеем. Ее образ фундирован в античной мифологической традиции и представляет собой смелую компиляцию мифологических черт и мотивов. Смелость ивановского синкретизма и по-александрийски утонченный отбор мифологического материала действительно создают эффект новизны интерпретации образа Пандоры².

Какие черты образа Пандоры могли вызвать удивление Брюсова?

У Иванова создателем Пандоры выступает не Гефест, как в самой распространенной и популярной версии Гесиода (Hes. Op. 59–105, Th. 570–589), а Прометей вместе с Гефестом. Душу Пандоре дает Прометей, который выделяет из себя «все женское душевного состава», а тело «Гефэст-искусник изваял / Из влажной глины» [7, с. 65, 66].

Если мотив участия Гефеста в создании Пандоры общераспространен и недоумения не вызывает, то мотив создания Пандоры Прометеем, действительно, является довольно редким. Считается, что древнейшее указание на создание Пандоры Прометеем содержится у Эсхила: τοῦ πηλοπλάστου σπέρματος θνητῇ γυνή, «из глиняного семени смертная жена» (Aesch. fr. 359 N). Первое недвусмысленное свидетельство о творении Пандоры Прометеем встречается у Плотина (Plotin. Ennead. 4,3,14): «миф о Прометее, изваявшем женщину, которую украсили и другие боги, повествует о том, что “он смешал землю с водой” и вложил в нее

у вас в библиотеке есть Röscher's Mythologisches Lexicon, то может случиться, что получен и 39-й выпуск его (продолжение буквы N) <...> если бы словарь, паче чаяния, оказался — будьте столь сердечно — и по-товарищески добры и выпишите мне оттуда статью NIOBE <...> то, о чем прошу, очень для меня важно. § 2. Во всяком случае, перепишите мне, пожалуйста, статью Niobe из Pauli's Real-Encyklopädie des classischen Altertums. Это старая, но хорошая энциклопедия» [8, т. 1, с. 657–658].

² Трансформации античного мифологического материала характерны также для первой завершенной трагедии Иванова «Тантал». Гэбриел Нуссбаум показывает, как Иванов адаптирует традиционные мифологические образы (Тантал, Адрастея, Бротеес), встраивая их в свой дионисийский метатекст [20, р. 6–13].

человеческий голос, и придал ей божественный облик, и что-то дала Афродита и Хариты, и другие боги дали иные дары, и она получила имя от этих даров и всех дарителей; ибо всё дано этому миру, изваянному и возникшему благодаря Промышлению» [17, с. 54–55]. Прометей понимается как платоновский демиург, а Пандора — как Мировая душа. У Преллера возникает образ Пандоры как «греческой Евы» [21, S. 76], который станет общим местом в мифологической литературе [22]. Иванов опирается на древние свидетельства и их интерпретацию у немецких классических филологов: его Пандора похожа на Еву, она изводится из Прометея-андрогина и становится прообразом, опираясь на который Прометей творит женскую часть человеческого рода: «Прообраза искал во мне художник / Своим твореньям (пьет зеркальность душу!) / И, на меня взирая, вас творил, / Прекрасные — мое подобье — сестры!» [7, с. 67].

Отношения между Прометеем и Пандорой у Иванова аналогичны мифологическим отношениям Гефеста и Афины. Пандора и Афина отождествляются в мифологической традиции, так же как Прометей — с Гефестом. Единство Гефеста и Афины внутренне напряженное и конфликтное: Афина отвергает любовь Гефеста, и от его семени, упавшего на землю, рождается Эрихтоний. Отношения между Прометеем и Пандорой у Иванова тоже антиномические. С одной стороны, Пандора — душа его души и его невеста, с другой, Прометей предстает ее поработителем, который держит ее в оковах и использует, чтобы украсть огонь и сотворить людей.

Иванов контаминирует мотив создания Пандоры и мотив кражи огня с целью завершения творения. Чтобы украсть огонь с неба, ивановский Прометей приносит Пандору в жертву, приковывая ее к скале, в результате чего на Пандору слетаются олимпийские боги, подобные орлам-молниям. Иванов осмысляет Пандору как альтер эго Прометея: она сама сначала испытывает страдание, которое затем суждено Прометею.

Соединение мотивов кражи огня, творения Пандоры и творения человека не является измышлением Иванова, оно восходит к «Протагор» Платона, где говорится, что Прометей кра-

дет огонь, чтобы завершить творение человека, неудачно начатое Эпиметеем (Prt 321cde).

Прометея и Пандору у Иванова связывают брачные отношения. Это тоже находится в русле мифологической традиции: Пандора называется женой Прометея и матерью Девкалиона (Hes. Fr. 21; Schol. Apoll. Rhod. 3,1086; Strabo 9).

В статье Вайцзеккера о Пандоре из Лексикона Рошера представлен черно-белый рисунок краснофигурного кратера с изображением создания Пандоры. Это изображение имеет дионисийский характер (танцующие сатиры и нимфы, музыканты, играющие на флейтах) [23, S. 1529]. Ивановская Пандора наделена дионисийскими чертами: она обучает человечество искусству танца и пения, опьяняет людей огнем любовной страсти.

Вайцзеккер интерпретирует Пандору как такой модус Матери-Земли, когда человек должен собственным трудом добывать пищу [23, S. 1527]. Этот мотив используется Ивановым: Пандора появляется во время обряда сеятельного, т. е. она учреждает земледелие, подобно Деметре.

В финале трагедии Пандора предстает как титаническая жрица, мстительница за свое порабощение Прометеем. Этот мотив восходит к гесиодовской версии мифа, где Пандора, называемая «прекрасным злом», выступает в роли орудия мщения Прометею, укравшему огонь у богов.

Итак, в своей оценке образа Пандоры у Иванова Брюсов оказывается в значительной степени не прав. На самом деле Иванов не выдумывает ничего нового о Пандоре (кроме мотива принесения ее в жертву олимпийским богам), не отступает от античной мифологии, но для этого нужно быть, как верно замечает Брюсов, погруженным «в недра классической мифологии и мифографии».

Вместе с тем образ Пандоры у Иванова формируется под влиянием известной концепции «Ты еси», развитой Ивановым в одноименной статье, помещенной в книге «По звездам». «Анимой Прометея» называет Пандору классик ивановедения С.С. Аверинцев. «В трагедии Пандора — не просто соблазнительница из древнего мифа. Это женский двойник Прометея, женственная часть его души, обретшая существование вне его самого» [1, с. 185].

Ивановский Прометей-богоборец соотносится с мужским, рациональным, личным «я» человеческой душевно-духовной организации. Это мужское «я» совершает «демоническое самоопределение», которое проявляется в «отвращении от сверхличного начала» [10, т. III, с. 266]. В трагедии это выражается в том, что Прометей становится антагонистом верховного бога Зевса-Кронида. «Изолированное и самовластное утверждение мужского начала приводит к греховной трансформации начала женского, поскольку оно подвергается соблазну и претерпевает метафизическое предательство» [12, с. 11]. В результате возникает Психея-скиталица, которая пребывает в тоске по своему утраченному возлюбленному, т. е. такой модус женской части душевно-духовной организации, который разделен с мужским «я». Такой Психеей-скиталицей является ивановская Пандора, которую Прометей создает с помощью Фемиды из своего существа и использует, чтобы заполучить небесный огонь в свое распоряжение. В конце трагедии Пандора из Психеи-скиталицы превращается в Психею-мстительницу — жреческий аспект женского «я», который восстает против богоборческого лика мужского «я». Психея «самопроизвольно и насильственно нейтрализует мужское я и как бы жертвенно умерщвляет его, внутренне воспроизводя собою пластический тип Мэнады — жрицы и мужеубийцы» [10, т. III, с. 265]. В результате мужское «я» представит как растерзанный Дионис и погружается в самозабвение или временную смерть. Так происходит и с Прометеем, который в конце трагедии попадает во власть демонических начал Кратоса и Бии и ведется на казнь.

Прометей

Заявляя, что Иванов наделяет Прометея чертами, чуждыми эллинским воззрениям, Брюсов не конкретизирует свои претензии. Возьму на себя смелость предположить, что внимание Брюсова могли привлечь две нестандартные черты ивановского Прометея: 1) его демиургический статус и 2) связь с Дионисом.

Ивановский Прометей предстает как творец человеческого рода и животных. Бапп, автор статьи о Прометее из Лексикона Рошера, указывает, что представление о Прометее-демиурге отсутствует у Гесиода и Эсхила, но появляется у комедиографов Филемона и Менандра [19, S. 3066] и становится общим местом в поздней античности (Овидий, Ювенал, Марциал, Аполлодор, Гигин) [19, S. 3082]. Особенностью ивановского Прометея становится его синкретизм: Иванов наделяет его всеми освященными традицией чертами: Прометей — и демиург, и трикстер, и культурный герой.

Образ Прометея-демиурга в европейской литературе появляется впервые у Вольтера и популяризируется Гете в драматическом отрывке «Прометей» и пьесе «Пандора». Мотив демиургии Прометея нередок у русских поэтов XIX в. (Е. Баратынский, Э. Губер, Н. Щербина) [13, с. 272–287]. Однако в стихотворении «К олимпийцам» (1904) сам Брюсов разрабатывает образ Прометея скорее в эсхиловском и гетевском ключе, как сознательного мученика, который противостоит несправедливому мировому устройству и пробуждает «огонь мятежный» в людях, своих братьях, а не творениях.

Искажением античного мифа и ницшеанским влиянием Брюсов мог счесть связь образа Прометея с Дионисом. В «Рождении трагедии», прекрасно знакомой обоим поэтам, Прометей называется маской Диониса [15, с. 77]. Наиболее ярко прометеевский и дионисийский мифы у Иванова сближаются как раз в понимании характера прометеевской демиургии. Иванов отождествляет орфическую антропологию и мотив создания Прометеем человеческого рода: Прометей не просто творит человека из земли, а именно из земли, которая пропитана кровью титанов, причастившихся дионисийскому огню и испепеленных молнией Зевса, либо сожженных огнем изнутри. При этом Иванов отдает себе отчет в том, что он синтезирует в своей трагедии общеэллинский миф с орфической мистической антропологией: «Эллины с некоторой поры узнали в Прометее ваятеля человеков. Орфики, с своей стороны, учили, что род человеческий возник из пепла и дыма спаленных Титанов. В речи Пандоры к людям об их сотво-

рении Прометеем оба предания приведены в связь <...> О том же повествует и сам Прометей:

Сама в перстах моих слагалась глина
В обличья стройные моих детей,
Когда сошел я в пахнувшие гарью
Удолия, где прах Титанов тлел,
Младенца Диониса растерзавших
И в плоть свою приявших плоть его.
Еще незримый теплился огонь
Божественным причастьем Геи темной
В пласту земном, покрывшем кости сильных
Убитых местью Зевсова орла» [7, с. XIV].

Ранее мы показали [11, с. 202–203], что в основе отождествления орфической антропологии и прометеевской демиургии у Иванова лежит рассказ Павсания о панопейских камнях, которые «остались от той глины, из которой Прометеем был вылеплен весь человеческий род» (Paus. 10,4,3) [16, с. 248].

Нужно отдать должное прозорливости Брюсова: он первый заметил ницшеанский характер ивановского Прометея. Впоследствии это станет общим местом в ивановедении.

Иванов сохраняет все основные аспекты ницшеанской интерпретации прометеевского мифа, представленной главным образом в «Рождении трагедии из духа музыки» и в «Веселой науке». Можно выделить несколько общих для Ницше и Иванова идей, которые выражаются в трагедии «Прометей»: 1) богоборчество (эта идея восходит к Эсхилу и кульминирует в трагедии «Прометей» Гете, на которую ориентируются как Ницше, так и Иванов); в контексте богоборчества важна 2) идея активности греха и оправдания зла; 3) прометеизм культуры: Прометей у Иванова не только предстает как культурный герой, который создает орудия труда и оружие, учреждает первое жертвоприношение, сакральные спортивные состязания (ритуальный бег с факелами), земледельческий и похоронный обряды, но и определяет сам вектор движения человеческой культуры; 4) прометеизм человеческой культуры заключается в ее люциферизме,

неразрывности созидательного и греховно-преступного начала.

Наиболее своеобразным и ближе всего стоящим к Ницше является люциферический характер ивановского Прометея.

Ивановское отношение к Люциферу амбивалентное. Хотя Люцифер есть одно из богоборствующих начал и ликов Сатаны [10, т. III, с. 244], «люциферическая энергия толкает человека, как Фауста, по слову Гете, “к бытию высочайшему стремиться неустанно”» [10, т. III, с. 249]. «Действие в человеке люциферических энергий, будучи необходимым последствием того умопостигаемого события, — отпадения от Бога, — которое церковь называет грехопадением, составляет естественную в этом мире подоснову всей исторической культуры, языческой по сей день, и по истине первородный грех ее» [10, т. III, с. 250].

Этот люциферизм Прометея проявляется в одной из ключевых сцен трагедии — возжигании подземного жертвенника [7, с. 26]. Этот жертвенник символизирует средоточие человеческой природы и человеческой культуры. Он антиномически совмещает в себе священное и греховное начала. Так, огонь для жертвенника добывается Прометеем от небесных молний, из трансцендентной сферы, но титанически, путем обмана олимпийских богов и жертвоприношения Пандоры. Затем этот огонь оскверняется убийством: один из сынов Прометея Архат, желая самостоятельно распорядиться божественным огнем, убивает своего брата Архемора; от факела богоборца Архата подземный жертвенник и возжигается, становясь греховным и святым одновременно.

Ницше не использует термин «люциферический», но для его интерпретации прометеевского богоборчества свойственен этот момент единства созидательного и греховно-преступного начала, которое, по Иванову, является сущностью люциферизма. Ницше пишет, что прометеевский миф «ставит мучительно неразрешимое противоречие между человеком и богом и подкатывает, как камень, к воротам всякой культуры. Лучшее и высшее, что может достигнуть человечество, оно вымогает путем преступления и затем вынуждено принять на себя и его последствия, а именно всю волну страдания и горестей, которую оскорбленные не-

божители посылают, *должны* послать, на благородное, стремящееся ввысь человечество» [15, с. 76].

Одним из достоинств ивановского «Прометея» Брюсов считает «весьма ученое (и интересное) предисловие, в котором между прочим изъясняется симметрическая схема трагедии, причем неожиданно оказывается, что первое действие, хоровое, — это огонь и вода, второе, замкнутое, — недра, третье, вновь хоровое, — земля и воздух» [3, с. 398]. В этом пассаже Брюсов балансирует между похвалой и иронией: предисловие знаменательно, несмотря на свою ученость, но все же в нем есть нечто вызывающее удивление, а именно — схема трагедии, в которой представлены четыре античные материальные стихии.

Схема ивановской трагедии, над которой иронизирует Брюсов, тоже связана с «Рождением трагедии». Ницше утверждает, что Прометей является «дионисической маской» [15, с. 77]. Иванов рассматривает Прометея тоже как ипостась Диониса. Схема трагедии на это и указывает.

Нам уже приходилось писать об античных подтекстах схемы «Прометея» [11, с. 195–199]. Иванов опирается здесь на космологические учения Платона и Плутарха, устанавливающие взаимосвязь между геометрическими фигурами и материальными стихиями (огнем, водой, землей и воздухом). Растерзание Диониса титанами, опираясь на Плутарха, Иванов рассматривает как его разделение и превращение в материальные стихии. А поскольку Прометей есть ипостась Диониса, его титанические нисхождение и «истощение» ставятся во взаимосвязь с растерзанием Диониса. Ницше тоже отсылает к Плутарху: «Раздробление, представляющее дионисическое *страдание* по существу, подобно превращению в воздух, воду, землю и огонь» [15, с. 79]. Иванов синтезирует Плутарха и его ницшеанское прочтение, вводя в свой текст понятие индивидуации, заимствуемое как раз из Ницше. Сравним:

У Иванова: **«В разъединении же Божества** (мы употребили бы здесь воскрешенный Шопенгауэром схоластический термин: *principium individuationis*) **и в его разделении и переходах в воздух и воду, и землю, и светила** [выделение наше. — А.К.],

и в смене рождений животных и растительных — они усматривают страдание и пресуществление, растерзание и расчленение Бога» [9, с. 19].

У Ницше: «Мы должны рассматривать состояние индивидуации как источник и первооснову всякого страдания» [15, с. 79].

Брюсов и история создания «Прометей»

По всей видимости, прозрачность для Брюсова ницшеанского слоя в трагедии Иванова была связана с личными обстоятельствами дружбы обоих поэтов и историей создания «Прометей». В декабре 1903 г. Иванов делится с Брюсовым своим замыслом трагедии «Прометей» [5, с. 443], который зародился в 1900 г. и который Иванов лелеет на протяжении нескольких лет. Обсуждение замысла «Прометей» в переписке Брюсова и Иванова идет рука об руку с обсуждением проекта перевода собрания сочинений Ницше, которое Брюсов планирует издать в «Скорпионе»: «Я не только берусь перевести летом “Рождение трагедии” или еще что-нибудь, но и весьма рад взять на себя ведение всего издания» [5, с. 445].

К реализации замысла «Прометей» Иванов возвращается, по всей видимости, только в начале 1906 г. Из дневника Лидии Зиновьевой-Аннибал нам известно, что «Прометей» «выходит без сомнения» [2, с. 167] и что в феврале Иванов читает начало трагедии Евгении Герцык [2, с. 171] и Михаилу Кузмину [6, с. 84]. К осени 1906 г. Иванов планировал дописать трагедию и издать в брюсовском «Скорпионе» [2, с. 167]. Об этом в феврале 1906 г. Иванов опять же извещает Брюсова: «О “Прометее” понял так, что он может появиться одновременно со сборником, что мне именно желательно» [18, с. 335]. Хотя в мае 1906 г. Иванов опять «принимается с жаром за “Прометей”» [2, с. 193], работа затягивается, и 1 июня 1907 г. Иванов дает знать Брюсову: «К осени хочу приготовить “Прометей”, но кажется — не дам его “Факелам” — оставляю “Орам”» [5, с. 498]. Хотя Иванов прикладывает большие усилия, чтобы завершить свою трагедию в

течение лета 1907 г., это ему не удастся, и работа растягивается вплоть до 1914 г.

Таким образом, Брюсов становится одним из конфидентов Иванова, которому сообщается о стадиях работы над «Прометеем», замысел которого оформляется в период взаимного интереса к Ницше со стороны Иванова и Брюсова.

Выводы

В название статьи я вынес фразу из стихотворения Иванова «Цусима» — «Силоам слепот», выражающую антиномичность прозрения и слепоты, так любимую Ивановым в мифе об Эдипе. Брюсов как рецензент Иванова оказывается ослеплен мнимым несоответствием ивановской трагедии античному канону прометеевского мифа, но в своей слепоте прозревает ницшеанский слой «Прометей», который, сложно взаимодействуя с античным материалом и с концепцией «Ты еси», составляет своеобразие ивановского решения темы Прометей.

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. 1975. № 8. С. 145–192.
2. *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2009. 286 с.
3. *Брюсов В.* Вячеслав Иванов: Прометей: Трагедия // Вяч. Иванов: Pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016. Т. 1. С. 396–398.
4. *Брюсов В.* Среди стихов. 1894–1924. М.: Сов. писатель, 1990. 714 с.
5. *Гречишкин С.С., Котрелев Н.В., Лавров А.В.* Переписка [В.Я. Брюсова] с Вячеславом Ивановым // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 428–543.

6. *Зобнин Ю.В.* Материалы к летописи жизни и творчества Вяч.И. Иванова. Часть 1. 1866–25.10.1907. URL: http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (дата обращения: 07.06.2021).
7. *Иванов Вячеслав.* Прометей. Трагедия. Петроград: Алконост, 1919. XXV+82 с.
8. *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия.* Переписка: 1894–1903: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
9. *Иванов Вячеслав.* Эллинская религия страдающего бога // Символ. Журнал христианской культуры. 2014. № 64. 224 с.
10. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
11. *Каяниди Л.Г.* Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» в свете античной натурфилософии (Парменид, Эмпедокл, Платон, Плутарх) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 191–208.
12. *Каяниди Л.Г.* Мистерияльно-дионисийский сюжет Вячеслава Иванова и его мистическая антропология (принцип «Ты еси»). Статья вторая // Известия Смоленского государственного университета. 2024. № 1 (65). С. 5–20.
13. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
14. *Молодяков В.Э.* Валерий Брюсов и Вячеслав Иванов: окончание диалога (1914–1924) // Collegium. 1994. Вып. 4–5. С. 85–100.
15. *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М.: Академический проект, 2007. 166 с.
16. *Павсаний.* Описание Эллады: в 2 т. М.: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2002. Т. 2. 503 с.
17. *Плотин.* Четвертая эннеада. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 480 с.
18. *Соболев А.А.* Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов. Неизданная переписка // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 277–423.
19. *Bapp K.* Prometheus // *Roscher W.H.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig: Teubner, 1897–1902. Bd. 3 (1). S. 3032–3110.
20. *Nussbaum G.* “O Mother, To Be Reborn With You”: Foundational Myth in Viacheslav Ivanov’s “Tantalus” // Slavic and East European Journal. 2023. Vol. 75, № 1. P. 1–20.
21. *Preller L.* Griechische Mythologie. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1872. Bd. 1. 710 S.

22. Séchan L. Pandora, l'Ève grecque // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1929. № 23. P. 3–36.
23. Weizsäcker P. Pandora // Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig: Teubner, 1897–1902. Bd. 3 (1). S. 1520–1530.

References

1. Averintsev, S.S. “Poeziia Viacheslava Ivanova” [“Poetry by Vyacheslav Ivanov”]. *Voprosy literatury*, no. 8, 1975, pp. 145–192. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. *Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki* [Vyacheslav Ivanov in 1903–1907: Documentary Chronicles]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi – Intrada Publ., 2009. 286 p. (In Russ.)
3. Briusov, V. “Viacheslav Ivanov: Prometei: Tragediia” [“Vyacheslav Ivanov: Prometheus: A Tragedy”]. *Viach. Ivanov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Viacheslava Ivanova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: Antologii* [Vyach. Ivanov: Pro et Contra. The Personality and Creativity of Vyacheslav Ivanov in the Assessment of Russian and Foreign Thinkers and Researchers: An Anthology], vol. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii Publ., 2016, pp. 396–398. (In Russ.)
4. Briusov, V. *Sredi stikhov. 1894–1924* [Among the Poems. 1894–1924]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 714 p. (In Russ.)
5. Grechishkin, S.S., Kotrelev, N.V., Lavrov, A.V. “Perepiska [V.Ia. Briusova] s Viacheslavom Ivanovym” [“Correspondence [of V.Y. Bryusov] with Vyacheslav Ivanov”]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 85: Valerii Briusov [Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 428–543. (In Russ.)
6. Zobnin, Iu.V. *Materialy k letopisi zhizni i tvorchestva Viach. I. Ivanova. Chast' 1. 1866–25.10.1907* [Materials for the Chronicle of the Life and Work of Vyach. I. Ivanov. Part 1. 1866–25.10.1907]. Available at: http://www.v-ivanov.it/files/208/works/zobnin_materialy_k_letopisi_ivanova_2011.pdf (Accessed 07 June 2021). (In Russ.)
7. Ivanov, Viacheslav. *Prometei. Tragediia* [Prometheus. Tragedy]. Petrograd, Alkonost Publ., 1919. XXV+82 p. (In Russ.)
8. Ivanov, Viacheslav, Zinov'eva-Annibal, Lidiia. *Perepiska: 1894–1903: v 2 t.* [Correspondence: 1894–1903: in 2 vols.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. (In Russ.)

9. Ivanov, Viacheslav. "Ellinskaia religiia stradaiushchego boga" ["The Hellenic Religion of the Suffering God"]. *Simvol. Zhurnal khristianskoi kul'tury*, no. 64, 2014. 224 p. (In Russ.)
10. Ivanov, Viach. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols], ed. by D.V. Ivanov and O. Deshart. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. (In Russ.)
11. Kaianidi, L.G. "Tragediia Viacheslava Ivanova 'Prometei' v svete antichnoi naturfilosofii (Parmenid, Empedokl, Platon, Plutarkh)" ["Vyacheslav Ivanov's Tragedy Prometheus in the Light of Ancient Natural Philosophy (Parmenides, Empedocles, Plato, Plutarch)"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 73, 2021, pp. 191–208. (In Russ.)
12. Kaianidi, L.G. "Misterial'no-dionisiiskii suzhet Viacheslava Ivanova i ego misticheskaia antropologiya (printsip 'Ty esi'). Stat'ia vtoraya" ["Vyacheslav Ivanov's Dionysian-mysterical Plot and his Mystical Anthropology (the Concept of 'You are'). Second Article"]. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2024, pp. 5–20 (In Russ.)
13. Losev, A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Symbol Problem and Realistic Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1976. 367 p. (In Russ.)
14. Molodiakov, V.E. "Valerii Briusov i Viacheslav Ivanov: okonchanie dialoga (1914–1924)" ["Valery Bryusov and Vyacheslav Ivanov: the End of the Dialogue (1914–1924)"]. *Collegium*, issue 4–5, 1994, pp. 85–100. (In Russ.)
15. Nitsshe, F. *Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm* [The Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2007. 166 p. (In Russ.)
16. Pavsanii. *Opisanie Ellady: v 2 t.* [Description of Hellas: in 2 vols.], vol. 2. Moscow, OOO "Izdatel'stvo AST" Publ., Lodomir Publ., 2002. 503 p. (In Russ.)
17. Plotin. *Chetvertaya enneada* [The Fourth Ennead]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2004. 480 p. (In Russ.)
18. Sobolev, A.L. "Viacheslav Ivanov i Valerii Briusov. Neizdannaya perepiska" ["Vyacheslav Ivanov and Valery Bryusov. Unreleased Correspondence"]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 2. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2016, pp. 277–423. (In Russ.)
19. Bapp, K. "Prometheus." Roscher, W.H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, Bd. 3 (1)*. Leipzig, Teubner, 1897–1902, S. 3032–3110. (In German)
20. Nussbaum, G. "'O Mother, To Be Reborn With You': Foundational Myth in Viacheslav Ivanov's 'Tantalus.'" *Slavic and East European Journal*, vol. 75, no. 1, 2023, pp. 1–20. (In English)

21. Preller, L. *Griechesche Mythologie*, Bd. 1. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1872. 710 S. (In German)
22. Séchan, L. "Pandora, l'Ève grecque." *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*, no. 23, 1929, pp. 3–36. (In French)
23. Weizsäcker, P. "Pandora." Roscher, W.H. *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, Bd. 3 (1). Leipzig, Teubner, 1897–1902, S. 1520–1530. (In German)